

7. Баранов, В.М. Поощрительные нормы советского социалистического права / В.М. Баранов. – Саратов, 1978.
8. Коренев, А.П. Применение норм советского административного права / А.П. Коренев. – М.: Юридическая литература, 1975. – С.8.
9. Коринский, С.С. Поощрения за успешный труд по советскому праву / С.С. Коринский. – М., 1961. – С. 10.
10. Советский энциклопедический словарь. – М., 1987.
11. Киселёва, О.М. Поощрение как метод правового регулирования: дисс. канд. юрид. наук. / О.М. Киселёва. – Саратов, 2000. – С. 96.
12. Керимов, Д.А. Методология права: Предмет, функции, проблемы философии права / Д.А. Керимов. – М., 2008. – С. 272.
13. Приказ Министра обороны Российской Федерации «О награждении деньгами офицеров Вооружённых Сил Российской Федерации» от 2 августа 2008 г. № 400.
14. Гущина, Н.А. Указ. соч. / Н.А. Гущина. – С. 75.
15. Конин Н.М. Российское административное право. Общая часть: курс лекций / Н.М. Конин. – Саратов, 2001. – С. 319-320.

СОЦИАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ РОССИЙСКОГО СРЕДНЕГО КЛАССА

Д.В. Прохоров

В статье исследуется вопрос о целесообразности и комплексности определения представителей среднего класса через критерий социальной идентичности. Такой подход позволяет определить, какие ценности и поведенческие стратегии присущи представителям данной категории, насколько они сформированы и осознаны отечественным средним классом за прошедший период преобразований. Определение ценностей и стратегий социальных слоев относится к методологически сложным качественным исследованиям, однако проводить их необходимо, так как без учета социокультурного фактора невозможно говорить о действительно эффективном социальном управлении.

В современной российской общественной мысли средний класс – одно из самых популярных понятий. С каждым годом увеличивается число посвященных его изучению исследовательских монографий, эссе, статей; споры о границах, численности, о самом факте его существования не утихают. Высказываются совершенно противоположные точки зрения: одни авторы утверждают, что в России среднего класса нет вообще или что в лучшем случае имеются лишь его эмбрионы, другие – что он представляет собой вполне сложившееся социальное образование [1-3].

Среди множества поднимаемых в дискуссии об отечественном среднем классе вопросов особый интерес представляют следующие: какова социальная динамика если не объективного, то хотя бы субъективного среднего класса в России за прошедший период преобразований в нашей стране и какие ценности и поведенческие стратегии присущи представителям данной категории, насколько они сформированы и осознаны отечественным средним классом.

Для того чтобы извлечь из этих споров рациональное зерно, разобраться в различных концепциях и подходах, необходимо прежде всего определить основную функцию понятия «средний класс». Очевидно, что оно служит для обозначения большой или даже массовой социальной группы. Тем не менее подобные обозначения групп различаются по источникам своего происхождения и характеру своего отношения к реальности. Одни из них естественным образом «рождаются» из повседневного социального опыта и обозначают эмпирически легко различимые феномены; другие появляются в результате концептуально-теоретического, идеологического или даже мифологического осмысления действительности и тем самым относятся к разряду аналитических категорий, предназначенных не только для обозначения, но и для интерпретации явлений действительности.

На наш взгляд, понятие «средний класс» принадлежит ко второму – аналитическому типу категорий. Оно стало употребляться в Западной Европе, когда возникла когнитивная потребность в осмыслении группового членения общества, в котором становление капиталистических отношений разрушало традиционную сословную структуру. Радикальная критика капитализма отвечала на эту потребность разработкой биполярного образа социальной структуры. Наиболее последовательное развитие этот подход получил в ортодоксальном марксизме. Либеральная и либерально-демократическая мысль видела центральный принцип обществ модерна не в антагонизме, а в свободной и честной конкуренции, результаты которой определяют общественное положение каждого индивида, в равенстве возможностей. Успех стал определяться теперь не качественными и функциональными показателями, как при сословном строе (дворянин, купец, крестьянин), а количественными (больше-меньше). Причем такое количественное понимание социальной структуры не сводится исключительно к определению статуса по критерию богатства. Оно носит более глубокий характер, становясь одним из ведущих подходов познания общества – теорией социальной стратификации. Так, по определению классика немецкой социологии Г. Зиммеля, «познавательный идеал – это понимание мира как огромной математической задачи, понимание событий и качественных отличий вещей как системы чисел» [4, с. 445]. Соответственно этому подходу образ социальной структуры выстраивается в виде вертикального континуума, в котором отсутствуют какие-либо разрывы и каждая точка в принципе имеет числовое значение. Эта вертикаль может быть разделена на разделы и подразделы (традиция современной англо-саксонской социологии: высший средний, низший; высший средний, средний средний, низший средний [5] или на десяти-, двенадцати- и т. д. ступенчатую шкалу, исполь-

зуюмую в опросах для выяснения самоидентификации респондентов.

Понятие «средний класс» порождено не только познавательными потребностями и общим математизированным стилем мышления эпохи модерна, это еще и символизация некоей идеологической и этической альтернативы биполярному, антагонистическому образу общества. Средний класс в этом смысле становится агентом гармонизации общественных процессов и самого общества. В социально-критической литературе XIX века, например, в творчестве Ч. Диккенса, простой, средний человек (клерк, фермер, лавочник, ремесленник) противопоставляется как высшему слою аристократов и крупных дельцов с господствующими в нем бездушными, функциональными отношениями, разрушающими естественные семейные связи, дружбу, любовь, участие, так и низшему, где нищета порождает отчаяние, ненависть, грубость и преступность. Средний человек не беден и не богат, он не стремится к богатству и власти; скромный достаток позволяет ему сохранять личное достоинство и комфорт и в материальном, и в моральном плане. [6].

Если в период так называемого классического капитализма изложенные представления о среднем классе относятся больше к социально-этическому идеалу, то капитализм XX в. воплощает этот идеал в социально-политическую практику, в важнейший стратегический ориентир общественной динамики. Научно-техническая революция, экономический рост и серия социальных реформ привели к значительному росту уровня жизни и социальных прав массовых слоев населения, к ослаблению традиционных классовых конфликтов. В этом новом «капитализме с человеческим лицом» средний класс становится центральной социальной категорией, ведущие политические партии провозглашают себя защитниками его интересов, социальная структура своими контурами дает основания говорить о

построении «среднеклассовых» обществ. Среднему классу приписывают роль решающей силы в стабилизации, интеграции и развитии общества, опоры и гаранта демократических и либеральных ценностей. История развитых западных стран в XX веке показывает, что подобные представления, являясь по сути так же как и в предыдущем столетии идеологемой, сильно «отягощены» различными упрощениями и преувеличениями.

Так, сознание и поведение средних слоев обусловлено не их «срединным» положением как таковым, а влияющими на их экономический и социальный статус процессами и ситуациями в экономике и политике. Если это влияние негативно, стабилизирующая функция средних слоев и их приверженность демократическим ценностям оказываются не такими уж и незыблемыми. В период между двумя мировыми войнами мелкая буржуазия составила основную социальную базу для фашистского и нацистского режимов в Италии и Германии. После Второй мировой войны общий характер социально-экономического развития в целом содействовал укреплению положения среднего класса, процессу социальной интеграции западных обществ, распространению ментальности среднего класса. Но и в этих условиях ни положение отдельных групп средних слоев (особенно традиционных, мелкобуржуазных, относящихся к т. н. «старому среднему классу») сказались издержки технических и экономических сдвигов и западноевропейской интеграции, а также усиление миграции из стран «третьего мира». Это приводит к тому, что данные группы оказывали и продолжают оказывать поддержку неонацистским и правозэкстремистским политическим течениям. По этому поводу американский исследователь Х. Балзер справедливо отметил, что «даже в индустриальных обществах члены средних слоев не являются автоматически ни состоятельными, ни приверженцами демократии» [7, с. 295]. В последние десятилетия социальные сдвиги, связанные с глобали-

зацией и информатизацией, создают, как констатируется в специальных исследованиях [8; 9], новые угрозы для положения части средних слоев и их роли гаранта стабильности и существующего порядка. Гетерогенность среднего класса делает весьма проблематичным приписывание ему неких единых стандартов ментальности и поведения. Учитывая это, Х.Д. Балзер считает более адекватным употребление этого понятия во множественном числе – средние классы [7].

То, что понятие «средний класс» относится к аналитическим категориям, используемым в познавательных, идеологических и политических целях, не означает, что данная категория имеет смысловое содержание исключительно в мышлении специалистов и никак не отражена в общественном сознании. Французский социолог и психолог С. Московичи в разработанной им теории социальных представлений убедительно показал, что понятия и знания, выработанные наукой и идеологией, часто становятся первоисточником представлений обыденного, «практического» сознания – они регулируют и ориентируют повседневную жизнь людей, далеко не занятых теми «профессиональными» проблемами, которые стимулировали появление этих понятий. Согласно его теории, носители обыденного сознания не просто усваивают научные и идеологические категории в готовом виде, но трансформируют их в соответствии с собственными потребностями: «социальные представления... – это не механический отпечаток поступивших в индивидуальное сознание извне, с каких-то верхних этажей общественной структуры идей и ценностей, но продукт собственной работы субъектов познания...» [10, с. 29].

Отличительной чертой социальных представлений является их глубокое внедрение на уровне обыденного сознания, воздействие на повседневное поведение, жизненную практику. Таким образом, реальное значение понятия «средний класс» в рос-

сийском общественном сознании и в жизненной практике россиян определяется тем, в какой мере оно выступает в качестве социального представления, в рамках которого, по выражению С. Московичи, происходит слияние субъекта и объекта, «творческое конструирование реальности», «материализация мысли» [4]. С другой стороны, наиболее распространенное понятие социальной идентичности определяется как «процесс распознавания индивидом социальных объектов и определение своего к ним отношения» [11, с. 9].

С этой точки зрения проблема социальной идентичности среднего класса не может быть сведена к набору статистических данных о доходах, профессиональных и тому подобных характеристиках. Такие данные, разумеется, необходимы, но, на наш взгляд, центральным моментом идентичности среднего класса следует считать характеризующий участников этой группы комплекс представлений о социальной реальности и их месте в ней. Можно сказать, что мера этой специфичности социальных представлений людей, аналитически относимых к среднему классу, т. е. четкость или, наоборот, расплывчатость граней, отделяющих их от остальных социальных групп, позволяет судить об уровне реальной идентичности среднего класса. Важно заметить, что социальная идентичность в этом понимании не тождественна понятию «самоидентификация»: первое понятие шире второго и включает его. Любой человек в той или иной форме осознает свой статус, свое место в обществе, однако совсем не обязательно, что он четко относит себя к определенной социальной категории, тем более к такой, которая восходит к научной теории стратификации. Разумеется, большинство опрошенных так или иначе отвечает на вопросы социологов, предлагающих им отнести себя к определенной вертикальной ступени, представляемой как ступень социальной лестницы (количество таких ступеней задается в каждом исследовании, исходя из его

цели и программы, но чаще всего встречается десятибалльная шкала). Однако отнесение себя респондентом к каким-либо стратификационным категориям мало говорит о реальной значимости этих категорий в структуре самосознания. Респондент может отнести себя к тому или иному слою в ситуации диалога с социологом, но это еще не значит, что проблема такого самоопределения существовала в его сознании до того, как социолог поставил ее перед ним и предложил возможные варианты ответа. Тем более это относится к тому состоянию общества, которое принято называть «переходным».

В условиях социально-экономических и политических изменений социальная идентичность индивида теряет былые свойства «объективной» данности, выливающейся в форме социального происхождения, полученного образования, формальной профессии и т. д. Для «переходного» общества характерно резкое усиление индивидуализации личных судеб, ослабление их зависимости от принадлежности людей к большим социально-профессиональным формализованным группам. Тот факт, что человек является специалистом с высшим образованием, квалифицированным рабочим, администратором, государственным служащим, сам по себе еще не определяет ни уровень его дохода, ни реальный социальный статус, ни стабильность материального и социального положения. Социальная идентичность в этих условиях как бы приобретает заново или заново подтверждается и в большинстве случаев ничем не гарантируется, нуждается в постоянной защите. Следовательно, эта идентичность является еще и показателем той меры, в какой жители современной России решают свою главную проблему – адаптации к социально-экономическим условиям, в которых отсутствуют какие-либо гарантии его материального положения и даже простого выживания.

По данным исследований общественного мнения, «определение «средний слой/класс» готовы отнести к себе почти все россияне», что, по мнению исследователей, является «отражением сложившейся в обществе нормы, социального правила» [12, с. 50-53], имеющего социокультурные корни.

Притягательность и ценность идеи «срединности», «центризма», «среднего человека» – одной из наиболее популярных и противоречивых трансформационных общественных процессах – заключается в воплощении и утверждении нормы в раздираемом крайностями обществе, в убежденности, что «середина» общества сохраняется несмотря ни на что. Как показывает динамика субъективно определяемого статуса, по данным исследований Нижегородского отдела ИС РАН, в период с 1988 по 1995 гг. самоотнесение к средним статусным позициям остается достаточно высоким, хотя очевидна тенденция к размыванию данного слоя. Так, например, по результатам специального исследования в Нижнем Новгороде к среднему классу относили себя: в 1988 г. – 70,4% респондентов, в 1993 г. – 52,7%, в 1995 г. – 38,2% [13, с. 115]. Частично здесь на самооценке людей сказались негативные факторы нисходящей мобильности, но тем не менее вряд ли можно утверждать, что речь идет о реальном, а не иллюзорном социальном статусе. Еще одна группа исследователей – Бюро экономического анализа – получила результат по субъективному критерию, равный 40-65% занятого населения России [14, с. 68-69].

Критерии стиля поведения, ценностных установок и самоидентификации в обязательном порядке используется и в исследованиях среднего класса. В России они приобретают особое значение.

В стабильно функционирующих западных обществах, где социологами активно применяются оба типа критериев, противоречия между ними не наблюдается. Существенных расхожде-

ний между объективными характеристиками индивида и его самоидентификацией, как правило, нет. Мнение исследователя, который руководствуется формальным набором признаков при оценке социальной принадлежности человека к тому или иному классу, и собственное мнение этого человека, когда ему предлагается определить свое место в социальной структуре общества, в большинстве случаев совпадают. В России такой очевидной ситуации нет.

Сопоставление субъективных оценок и объективных показателей дохода и общей материальной обеспеченности нередко приводит к противоречивым результатам. Причин для этого может быть несколько.

Во-первых, несовершенство объективной статистики доходов; во-вторых, привычная черта большинства постсоветских респондентов «быть как все», названная Ю. Левадой «равнением на середину» [15, с. 291]; в-третьих, все та же российская особенность статусной рассогласованности. Именно последнее обстоятельство объясняет конкретные ситуации эмпирических исследований, когда прошлый престиж профессии, пусть и с крайне неудовлетворительным заработком, на сегодняшний день, заставляет одних респондентов относить себя к верхним ступеням социальной лестницы, а других – к самым нижним.

Подобные факты резкого расхождения объективных и субъективных оценок некоторых исследователей приводят к выводу о том, что в современной России существует как бы два поля оценок: «материальное» и «целостное». И высокие субъективные оценки имеют отношение именно ко второму из них [16, с. 43].

Очевидно, критерий самоидентификации в любом случае не может быть исключен при определении и анализе среднего класса. Как показывает опыт эмпирических исследований на больших массивах респондентов, путаницы в понятиях и моти-

вах идентификации можно избежать, используя качественные (субъективные) методы оценок объективных показателей.

С точки зрения перспектив реформирования российского общества наибольший интерес представляют качества среднего слоя как определенной социальной общности – уровня его сплоченности, его сознания и поведения. В этом случае критерий субъективной оценки респондентом происходящих с ним и вокруг него процессов является решающим для понимания, так как центральный момент идентичности среднего класса следует усматривать в характеризующем индивидов этой группы комплексе представлений о социальной реальности и их месте в ней – представлений, регулирующих их жизненную активность и специфичных именно для данной страты, в той или иной мере отличающих ее от остальных слоев общества.

В то же время вербальная самоидентификация с одной из средних страт, очевидно, очень часто осуществляется по мотивам, имеющим косвенное отношение к социальной идентичности. Это может быть отражение в сознании людей лишь такого аспекта их общественного положения как место в системе власти, т. е. «вертикальная самоидентификация». В этом случае образ социальной структуры превращается из многомерного в одномерный, как одномерна, например, стратификация внутри воинского подразделения или государственного ведомства. Именно из такой концепции исходит О.И. Шкаратан, рассматривая общественное устройство современной России как «прямое продолжение существовавшей в СССР этакратической системы». «В российской социально-экономической системе, – говорит исследователь, – сложился своеобразный тип социальной стратификации в виде переплетения сословной иерархии и элементов классовой дифференциации, устойчиво воспроизводящейся в течение последних лет» [17, с. 3]. Также распространенным мотивом самоидентификации выступает определение

положения по-«горизонтали» – по принадлежности к большим социально-профессиональным группам (рабочие, служащие, колхозники, интеллигенция) или корпорациям (шахтеры, железнодорожники, военные, учителя, ученые и т. п.) – здесь вертикальный принцип в ряде ситуаций тоже важен, но не как социальный, а как внутрикорпоративный (научные степени и звания в высшем образовании и научных учреждениях, звания и должности в армии, звания в сфере искусства и т. п.). Все это говорит о том, что социальная идентичность современного россиянина – это все еще не столько самоопределение им своего устойчивого места в обществе, сколько отражение опыта и определение возможных перспектив индивидуального адаптационного процесса. Как отмечает В.А. Ядов: «Социальная идентификация личности в нестабильном, кризисном обществе испытывает неожиданные непривычные воздействия... Происходит сдвиг от прозрачной ясности социальных идентификаций советского типа к групповым солидарностям, где решительно все амбивалентно, неустойчиво, лишено какого бы то ни было определенного вектора» [18, с.171]. Для переходного общества характерно резкое усиление индивидуализации личных судеб, ослабление их зависимости от принадлежности людей к большим социально-профессиональным формализованным группам. Тот факт, что человек является специалистом с высшим образованием, квалифицированным рабочим, администратором или рядовым служащим, сам по себе не определяет ни уровень его дохода, ни реальный социальный статус, ни стабильность его материального и социального положения. Индивидуальная инициатива и индивидуальное везение превращаются в решающие факторы, определяющие социальную позицию постсоветского человека. Можно привести слова такого автора, как И.В. Мостовая: «Преобразование социальной структуры сопровождается разрушением одних и возникновением других оснований группового само-

причисления. Взрывное изменение ориентаций общественной культуры и переход от модели социальной безопасности к модели социальной конкуренции не могут закрепиться без смены механизмов выживания» [19, с. 91-92]. В силу своего «взрывного» характера эти механизмы каждый находит или вырабатывает самостоятельно. В этих условиях социальная идентичность теряет свойства «внешней» объективной данности, – она становится чем-то приобретаемым или заново подтверждаемым в результате собственных усилий или счастливого стечения обстоятельств и чаще всего ничем не гарантированным, нуждающимся в защите достоянием. Такая идентичность сложнее, чем соотношение с каким-либо слоем или группой: она включает совокупность представлений и социальных установок, отражающих оценку индивидом своих возможностей активного или пассивного приспособления к наличным социальным условиям, его восходящей или нисходящей мобильности, либо стабилизации своей ситуации в рамках этих условий. В целом эта идентичность фиксирует не столько место человека в социальном пространстве, сколько возможности его перемещения в этом пространстве, оценить которые возможно лишь сопоставляя их с возможностями других индивидов.

В трансформирующемся российском обществе основания самоидентификации не сливаются в комплексный многосоставный критерий определения устойчивого социального выбора. Универсальные критерии самоидентификации еще не сложились, отсюда неустойчивость социального позиционирования индивидов и социальных групп, размытость границ социальной идентичности. Каким же образом проявляют себя эти субъективные критерии, находящиеся на стадии становления?

Содержательно средний класс аккумулирует в себе людей, сумевших адаптироваться к новой рыночной ситуации, чей доход позволяет им чувствовать себя достаточно уверенно. Воз-

раст влияет на самостратовый выбор: молодежи свойственны более высокие социальные амбиции, а в «третьем возрасте» (старше 55 лет) наблюдается статусная деградация. Представители молодых и средних возрастов по социальным характеристикам образуют так называемый «новый средний класс»; доля старших возрастов значительно ниже – преимущественно это выходцы из «советского среднего класса», сумевшие удачно приспособиться к новым условиям на фоне общей нисходящей мобильности социальных групп [20, с. 391]. Существенно снижает шансы подняться выше среднего слоя отсутствие высшего образования, а отсутствие среднего специального образования, как правило, не пускает и в средний слой. К тому же специфику образовательному критерию придает весомость семейного образовательного капитала – образование родителей чаще всего, как показывает анализ Института комплексных социальных исследований РАН, у представителей среднего класса чаще всего также высокое [21, с. 72]. Представители среднего класса, который авторы исследования определяют как ядро (по максимальному соответствию выделенных критериев), вокруг которого располагаются представители нижнего, «срединных» и верхнего средних слоев (по своему положению и по границам, с которых начинается изменение качества жизни не только в смысле материального благополучия, но и профессиональных, образовательных, ценностно-мировоззренческих характеристик деятельности), более подготовлены относительно базовых навыков, соответствующих современному стилю и уровню профессиональной деятельности: они в большей степени владеют навыками работы на компьютере, применяют иностранный язык. Причем разрыв по этим показателям особенно велик в двух нижних средних слоях [22, с. 126-128; 23, с. 35]. Анализ выявил основную отличительную черту, которая подтверждает востребованность непрерывного повышения уровня квалификации и знаний

и становится во многом определяющей социальное положение в современных социально-экономических условиях. Очевидна большая интенсивность профессионально-образовательной активности в среднем классе, а также нацеленность на приобретение новых знаний. Значение данной стратегии раскрывается в том, что, по выражению А.Ю. Согомонова, «новый средний класс» берется сам определять для себя образовательные цели, задачи и педагогические средства и тем самым существенно снижает в этом процессе фактор власти» [24, с. 206-207]. Таким образом, образовательная стратегия среднего класса и средних слоев выражается в устойчивой мотивации на карьеру, более глубокой заинтересованности в профессиональной деятельности, а также в динамичной, прежде всего самостоятельной образовательной активности, в овладении необходимыми в современных условиях навыками «по ходу дела».

Уровень материальной обеспеченности является важным критерием самоидентификации: по данным исследования «Социально-экономическое положение населения России» на 2003 год, интервал личных заработков от 2 до 5 тыс. руб. – это порог, по достижении которого люди уже не видят себя представителями нижних социальных слоев [25, с. 187]. С учетом уровня инфляции за последние несколько лет этот порог соответственно значительно вырос.

Связь между должностной позицией и оценкой общественного положения проявляется в том, что с повышением формального социального статуса (до руководящих должностей различного уровня) число высоко оценивших свое общественное положение увеличивается; однако наличие среди руководящих работников заметной доли тех, кто считает свое положение средним или даже ниже среднего, свидетельствует о несформированности ролевых статусных позиций в современном российском обществе. Наличие постоянной работы и одновременно ре-

гулярной дополнительной занятости в большей степени предопределяет попадание на средние и верхние ступени социальной лестницы.

Высокая оценка собственного профессионализма предопределяет и высокую самооценку: в верхних стратификационных группах практически нет плохих профессионалов, что косвенно свидетельствует о том, что профессионализм является условием, необходимым для восходящей социальной мобильности. Тем не менее этот ресурс оказывается недостаточным для получения адекватного материального вознаграждения. Успехи и неудачи на пути социально-экономической адаптации во многом предопределили субъективный выбор страты: с повышением уровня адаптированности растет и социальная самооценка.

Для современной России весьма характерна следующая особенность самоидентификации: респонденты, относящиеся по объективным показателям к высшему и среднему слоям, оценивают свой статус, исходя из таких критериев, как профессиональный, образовательный и должностной уровень; а те, кто идентифицирует себя со слоями ниже среднего и низшим, исходят из доходного критерия. Это говорит, прежде всего, об отсутствии комплексного критерия, характерного для стабильно развивающихся обществ.

Обнаруживается заметная региональная дифференциация по критерию самоидентификации. В целом во всех регионах доля домохозяйств, согласно этому же исследованию, относящих себя к среднему слою не опускается ниже 30% за исключением Воронежской области, где она равна 27%. Исследователи выделяют регионы, где доля домохозяйств, относящих себя к среднему слою, достигает:

- 30 – 40% (Рязанская, Ростовская, Свердловская, Томская области и Приморский край);

• 40 – 50% (Республика Коми, Нижегородская, Ульяновская и Иркутская области);

• более 50% (Москва и Санкт-Петербург) [25, с. 165].

Не менее значима и поселенческая дифференциация домохозяйств: самоотнесенные к нижнему слою преобладают в малых городах, а те, что составляют субъективный средний слой, доминируют в крупных городах. Данные о поселенческом распределении в процентном отношении указаны в таблице 1.

Таблица 1

Распределение домохозяйств различного общественного положения по типам поселений, % [25, с.166]

Тип поселения	Общественное положение		
	Низкое	Ниже среднего	Среднее
Областной центр	31,5	39,1	47,8
Районный центр	43,6	35,5	33,5
Село	24,9	25,4	18,7

Что касается мировоззренческих характеристик и ценностных установок, то различные исследователи говорят об относительной сформированности этого критерия для представителей среднего класса, хотя «приписывание» им окончательных сложившихся и последовательных взглядов имеет мало оснований. Вот основные позиции, которые в ходе опросов можно выделить в качестве общих для большинства представителей российского среднего класса (сразу заметим, что мы не станем рассматривать требующие расширенного толкования формулировки типа «западные ценности подходят для России»/«России нужен свой путь развития», суждения по вопросу о приоритетах внешней политики России и симпатии представителей средних слоев конкретным политическим лидерам и партиям):

• Представители средних слоев (и особенно их ядра – собственно среднего класса) реже высказываются о своем проигрыше от проводимых в 1990-е годы реформ. И хотя о выигрыше говорят не так часто, это также несколько выше (15% против 10% в средних слоях в целом) [21, с. 73]. Очевидна сформированность достигательной жизненной позиции средних слоев. Индивидуальная самостоятельность и самореализация принадлежат к числу важнейших личных ценностей, а систему aspirations характеризует стремление к росту – будь то рост материального статуса, творческий и профессиональный успех или обновление форм жизненной активности. Проецируясь на социальный уровень, эти ценности осмысливаются как ценность свободы.

• Признавая высокое значение успеха, второй стороной этой системы ценностей является ее социально-нравственное начало. Во многих интервью отмечалось, что представителям среднего класса важно, чтобы соблюдались такие моральные нормы, как честность, порядочность, гуманизм, сострадание, внимание к нуждам отдельных людей и социальных слоев – тем, кто потерпел неудачу в жесткой конкурентной борьбе, кто не в состоянии в силу объективных или субъективных причин занять средние позиции в новой иерархии материальных и социальных статусов.

• Характерным признаком этоса среднего класса является неприятие национализма в тех его конкретных проявлениях, которые присущи России конца XX века.

• Репрезентативные опросные данные о социально-экономических воззрениях российского среднего класса широко представлены в исследовании РНИСиНП. Приведем наиболее характерные из них: 2,1% респондентов из высшего и 4,5% из среднего слоя среднего класса высказались за плановое хозяйство, соответственно 29,2% и 37,9% – за государственную собст-

венность с элементами рынка и частной собственности; 68,7% верхнего и 57,5% среднего слоя – за частную собственность с элементами госрегулирования или свободный рынок. В поддержку принципа конкуренции высказались 87,8% опрошенных, 12,2% – против; 80,9% отвергли принцип уравнивания доходов и поддержали требования их зависимости от результатов работы. Таким образом, экономический либерализм если не абсолютно господствует, то все же преобладает в данной гетерогенной социальной среде. В то же время в большинстве случаев это либерализм не радикальный, сочетающийся с убеждением в необходимости сохранения или даже усиления государственного регулирования и государственной системы социальных гарантий. Среди опрошенных 59,9% высказались в пользу усиления роли государства в экономике и 40,1% – за расширение роли частного сектора; 52,9% посчитали необходимой государственную заботу о социальном благополучии всех членов общества и 47,1% предпочли сами обеспечивать собственное благополучие. Возложили на государство: обеспечение рабочего места – 64,1%, гарантии справедливой оплаты труда – 60,1%, мед. страхование – 81,7%, пенсионное обеспечение – 90,3% [26, с. 154-163].

- Абсолютное большинство респондентов из всех слоев среднего класса считает в принципе справедливой зависимость качества образования детей от финансовых возможностей родителей, однако лишь меньшинство (25% – в верхнем, 11% – в среднем слое) отрицает необходимость мер, направленных на создание равных возможностей для всех членов общества [26, с. 182-183].

- Позиции респондентов по отношению к роли закона в жизни общества можно обозначить как «конвенциональные расхожие истины», повторяющиеся в сходных выражениях во многих интервью: «законы надо соблюдать, я человек законопослушный, платить налоги – дело святое» и т. д. В то же время

многие участники интервью, особенно те, кто так или иначе связан со сферой бизнеса, признают невозможность реального выполнения этих норм в сегодняшних условиях. Ее объясняют или качеством законов (их противоречивостью, существующими в них пробелами), или тем, что законы практически не работают из-за их несоблюдения теми, кто должен контролировать их исполнение [27, с. 221].

Таким образом, социальная идентичность «среднего» россиянина – это не столько самоопределение им своего устойчивого места в обществе, сколько отражение опыта и определение возможных перспектив индивидуального адаптационного процесса. Подобным образом понимаемая социальная идентичность является гораздо более сложным образованием, чем отнесение себя к какой-либо страте или группе, так как она включает совокупность представлений и социальных установок, отражающих оценку человеком своих возможностей активного или пассивного приспособления к наличным социальным условиям, его восходящей или нисходящей мобильности либо стабилизации своей ситуации в рамках этих условий. В целом, социальная идентичность фиксирует не столько место человека в социальном пространстве, сколько возможности его перемещения в этом пространстве, оценить которые можно лишь сопоставив их с возможностями других.

Библиографический список

1. Авраамова, Е.М. Появился ли в России средний класс? / Е.М. Авраамова // Средний класс в современном российском обществе. – М.: РОССПЭН, РНИСиНП, 2000. – С. 21-30.
2. Анурин, В.Ф. Контуры провинциального среднего класса / В.Ф. Анурин // Социологические исследования. – 2006. – №10. – С. 3-12.
3. Здравомыслов, А.Г. Несколько замечаний по поводу дискуссии о среднем классе / А.Г. Здравомыслов // Средний класс в совре-

менном российском обществе. – М.: РОССПЭН, РНИСиНП, 2000. – С. 10-35.

4. Московичи, С. Машина, творящая богов / С. Московичи. – М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. – 556 с.

5. Giddens, A. Sociology / A. Giddens. – Cambridge, 1989.

6. Диккенс, Ч. Собрание сочинений. В 10 т. Т. 8 / Ч. Диккенс. – М.: Художественная литература, 1986. – 735 с.

7. Balzer, H.D. Conclusion: The Missing Middle Class / H.D. Balzer // Russia's Missing Middle Class: The Professions in Russian History – Armonk, N.Y.: M. E. Sharpe, 1996. – P. 293-320.

8. Philips, K. Boiling Point Democrats, Republicans and the Decline of Middle-Class Prosperity / K. Philips. – N.Y., 1994.

9. Кастельс, М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / М. Кастельс; под науч. ред. О.И. Шкаратана. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.

10. Дилигенский, Г.Г. Социально-политическая психология / Г. Г. Дилигенский. – М.: Наука, 1994. – 304 с.

11. Яд, В.А. Социальные и социально-психологические механизмы формирования социальной идентичности личности / В. А. Ядов // Социальная идентичность личности. – М.: ИС РАН, 1993. Вып.1. – С. 7-23.

12. Левинсон, А. О тех, кто называет себя средний класс / А. Левинсон, О. Стучевская, Я. Щукин // Вестник общественного мнения. – 2004. – № 5. – С. 48-62.

13. Балабанов, С.С. Социальные типы и социальная стратификация / С.С. Балабанов // Социологический журнал. – 1995. – № 2. – С. 114-122.

14. Средний класс в России: количественные и качественные оценки. – М.: Бюро экономического анализа, 2000. – 286 с.

15. Левада, Ю.А. От мнений к пониманию: социологические очерки 1993-2000 / Ю.А. Левада. – М.: Московская школа политических исследований, 2000. – 576 с.

16. Андреев, А.Л. «Два средних класса» в Российском обществе? / А.Л. Андреев // Средний класс в современном российском обществе. – М.: РОССПЭН, РНИСиНП, 1999. – С. 39-51.

17. Шкаратан, О.И. Социальное расслоение в современной России: драма расколотого общества / О.И. Шкаратан // Мир России. – 2004. – № 1. – С. 3-49.

18. Ядов, В.А. Символические и примордиальные солидарности / В.А. Ядов // Проблемы теоретической социологии. – СПб.: Петрополис, 1994. – С. 169-183.
19. Мостовая, И.В. Социальное расслоение: символический мир метаигры / И.В. Мостовая. – М.: Механик, 1996. – 207 с.
20. Прохоров, Д.В. Средний класс современной России: критерии и границы / Д.В. Прохоров // Вестник молодых ученых СГЭА. – 2004. – № 2. – С. 386-392.
21. Попова, И.П. Средние слои, средний класс в российском обществе – к проблеме соотношения / И.П. Попова // Социологические исследования. – 2005. – № 12. – С. 65-76.
22. Тихонова, Н.Е. Индекс уровня жизни и модель стратификации российского общества / Н.Е. Тихонова, Н.М. Давыдова, И.П. Попова // Социологические исследования. – 2004. – № 6. – С. 120-130.
23. Тихонова, Н.Е. «Новые капиталисты»: кто они? / Н.Е. Тихонова // Общественные науки и современность. – 2005. – № 2. – С. 29-39.
24. Согомонов, А. «Средний класс» и образование: quid pro quo? (конфликт толкований и концептуальная повестка на XXI век) / А. Согомонов // Отечественные записки. – 2002. – № 2. – С. 198-207.
25. Средние классы в России: экономические и социальные стратегии. – М.: Гендальф, 2003. – 506 с.
26. Средний класс в современном российском обществе; под ред. М.К. Горшкова, Н.Е. Тихоновой, А.Ю. Чепуренко. – М.: РОС-СПЭН/РНИСиНП, 1999. – 304 с.
27. Дилигенский, Г.Г. Люди среднего класса / Г.Г. Дилигенский. – М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2002. – 285 с.

НАКОПИТЕЛЬНАЯ ФУНКЦИЯ СТРАХОВАНИЯ НА ДОЖИТИЕ

Е.П. Ростова

Среди известных функций страхования выделяют четыре основные: рисковая, предупредительная, контрольная и сберегательная. Последняя функция заключается в том, что при помощи страхования сберегаются денежные суммы на дожитие. Это